

УДК 947.084.8 (571)

А.С. Шевляков

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД КОЛХОЗНЫМ КРЕСТЬЯНСТВОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)*

В начальный период войны мобилизации коммунистов на фронт привели к резкому ослаблению партийного влияния в деревне при явном недоверии и подозрительности руководства ВКП(б) к колхозному крестьянству. Контроль над политической благонадежностью крестьянства возлагался на созданные осенью 1941 г. чрезвычайные партийные органы – политотделы МТС и совхозов.

Ключевые слова: война, крестьянство, Сибирь.

В условиях советской однопартийной политической системы всю ответственность за политическое состояние колхозной деревни несли, естественно, сельские организации правящей партии. В предвоенные годы организации ВКП(б) в деревне были перестроены по производственному принципу. Они отвечали как за политическое состояние крестьянства, так и за выполнение государственных заданий. Партийные организации стали основой политического пространства советской деревни, прочно срослись с государственными и хозяйственными структурами. Устав ВКП(б), утвержденный XVIII съездом в 1939 г., предоставлял первичным партийным организациям МТС, совхозов и колхозов право контроля деятельности администрации. Решения партийных комитетов становились обязательными для исполнения соответствующими советскими, комсомольскими, профсоюзными организациями. Так называемое «партийное руководство» не придуманный термин, это реальность рассматриваемого периода.

В условиях начавшейся войны обеспечение фронта и тыла продовольствием, а промышленности сырьем приобретало оборонно-стратегическое значение. Между тем в работе партийных организаций, ответственных за политическую благонадежность колхозного крестьянства, возникли серьезные трудности как объективного, так и субъективного порядка. К объективным трудностям следует отнести резкое сокращение сети партийных организаций на селе и уменьшение количества коммунистов в колхозах, совхозах и МТС. В целом по стране количество коммунистов в деревне уменьшилось к концу 1941 г. в 2,5 раза, с 623,4 тыс. чел. (на январь 1941 г.) до 294 тыс. чел.; партийные организации остались только в 19 тыс.

колхозов из 150 тыс. сельхозартелей страны [1. С. 301]. В течение 1941–1942 гг. количество коммунистов в колхозах Западной Сибири уменьшилось на 4,4 тыс. чел. [2. С. 160]. В условиях войны быстро рушились привычные стереотипы партийной работы. Повсеместно отмечалось ослабление контроля над исполнением партийных решений, снижение приема в партию передовых колхозников, забвение агитационно-массовой работы на селе и др.

Между тем выполнение повышенных заданий военного времени требовало серьезного усиления партийно-политического влияния в деревне. Сельские партийные организации, оказавшиеся малочисленными, не могли осуществлять требуемого политического руководства. Осенью 1941 г. немецкие войска находились на подступах к Москве. Факты лояльного отношения к оккупантам в западных районах страны не могли не вызывать тревогу руководства партии. В верхних эшелонах власти знали и помнили, какое насилие было совершено над крестьянством при проведении коллективизации и раскулачивания, еще не стерся в памяти страшный голод начала 1930-х гг. В условиях войны власть не исключала возможность оживления антисоветских настроений в крестьянской среде.

Первый секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) В.Н. Лобков однозначно квалифицировал пожары, случившиеся в некоторых МТС, как «... заметное усиление активности антисоветских элементов» [3. С. 35]. Бюро Иркутского обкома ВКП(б) отмечало, что в условиях войны к руководству в колхозах «...кое-где пробрались классово чуждые люди... не внушающие политического доверия» [4. Д. 629. Л. 9]. Начальник управления

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания №6.4100.2011.

НКВД Читинской области И. Портнов привел ряд фактов «антисоветской кулацкой» агитации в колхозах. Он подчеркнул, что за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет [5]. Об этом же заявлял его коллега по Красноярскому краю майор госбезопасности И. Семенов [6]. Газета «Правда», орган ЦК ВКП(б), в передовой статье требовала выше поднять революционную бдительность в тыловых районах [7].

Для усиления руководства сельским хозяйством 17 ноября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании в машинно-тракторных станциях и совхозах страны чрезвычайных партийных органов – политических отделов. Политотделы были призваны взять под контроль политическую ситуацию в деревне, нейтрализовать возможные выступления против советской власти, мобилизовать колхозное крестьянство на выполнение плановых заданий и любыми мерами обеспечить поставки сельскохозяйственной продукции государству.

В каждой МТС создавался политотдел со штатом: начальник политотдела, заместитель по партийно-массовой работе и помощник по комсомолу. Состав политотдела совхоза устанавливался в соответствии с принадлежностью данного хозяйства к той или иной группе совхозов по объему производства, установленных СНК СССР. В совхозах 1-й группы, к которым относились, например, совхозы зернового направления, имевшие уборочную площадь свыше 10 тыс. га и др., штат политотдела устанавливался в составе начальника, заместителя по партийно-массовой работе, помощника по ВЛКСМ и по одному помощнику начальника на отделениях и фермах. В совхозах 2-й группы политотдел состоял из начальника и его заместителя. В совхозах 3-й и 4-й групп утверждался только начальник политотдела.

Начальников политотделов МТС и совхозов утверждал ВКП(б) по представлению первых секретарей обкомов (крайкомов) партии. Они являлись по положению заместителями директоров МТС и совхозов по политической работе и отвечали, наряду с руководителями, за выполнение плановых заданий. Образование политотделов привело к формированию особой системы политических органов в сельском хозяйстве с вертикалью подчинения: ЦК ВКП(б) – политуправления наркомата земледелия и наркомата совхозов СССР – политические секторы областных (краевых) земельных отделов и совхозных трестов – политотделы МТС и совхозов. Всего в тыловых

районах страны было создано более 200 политсекторов и 7200 политотделов, в том числе 4490 – в МТС. Для работы в чрезвычайных органах было направлено около 20 тыс. коммунистов и комсомольцев [8. С. 148]. В Сибири было организовано 827 политотделов в МТС и 339 в совхозах. В них трудилось более 3 тыс. членов ВКП(б) и ВЛКСМ [9. С. 56].

Политотделы являлись чрезвычайными органами мобилизационного типа. Они сочетали в себе одновременно политические, административные и хозяйственные функции, выступали как средоточие власти в совхозах и зонах МТС – наглядный пример сращивания партийных и государственных органов в условиях советской власти. Содержались эти структуры за государственный счет. Чрезвычайный характер политотделов дополнялся прямым назначением их начальников ЦК ВКП(б). Это обстоятельство придавало политотделам известную независимость от сельских райкомов партии.

Основными направлениями работы чрезвычайных органов в МТС и совхозах стали административно-репрессивная деятельность, укрепление сельских партийных и комсомольских организаций, пропаганда и агитация, налаживание сельскохозяйственного производства и обеспечение поставок продукции аграрного сектора государству. Многие аспекты деятельности политотделов получили обстоятельное освещение уже в советской историографии. Однако крайне негативные стороны работы политотделов – репрессивные мероприятия в деревне, произвол и беззаконие по отношению к крестьянству и т.п. – по понятным причинам не могли быть рассмотрены в исторической литературе.

В решении Политбюро ЦК ВКП(б) о создании чрезвычайных органов указывалось: «В качестве основной задачи политотделов МТС и совхозов считать повышение политической работы... внедрение дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов для обеспечения своевременного выполнения ими планов сельскохозяйственных работ» [10. С. 260]. Формулировка «повышение политической работы» со всей определенностью предполагала деятельность указанных структур по усилению так называемой революционной бдительности. Термин «революционная бдительность» в партийном словаре трактовался очень широко: от борьбы с вражескими диверсантами и их «агентурой» (бывшими кулаками) до пресечения антисоветских высказываний («кулацкой агитации») и кары за невыполнение государственных заданий («антигосударственную практику»).

Парторганы Сибири считали повышение революционной бдительности одной из важнейших

задач политотделов. Начальник политсектора Иркутского областного земельного отдела С.И. Семин, едва приступив к работе, подчеркивал: «Повседневной задачей политотделов является повышение революционной бдительности коммунистов, комсомольцев, работников МТС и совхозов. Надо учить их разоблачать вражеские действия, бороться с лодырями, дезорганизаторами...» [11]. В секретном письме политического сектора Читинского областного земельного отдела от 14 марта 1942 г., указывалось, что политотделы должны «... глубоко изучать кадры, проверять их деловые и политические качества, не допустить, чтобы к руководству в колхозах пробрался лодырь, жулик или бывший кулак». Сотрудникам политотделов надлежало расследовать каждый случай поломки тракторов, падежа скота и т.п., и незамедлительно привлекать к ответственности конкретных виновных лиц [12. Д. 5. Л. 16].

Чрезвычайные партийные органы бдительно следили за политическими настроениями сельских жителей, пресекая малейшие сомнения в победе над врагом, силе Красной Армии, выдающихся способностях Верховного Главнокомандующего. Начальник политотдела Газимуро-Заводской МТС Читинской области доносил, что в колхозе им. Журавлева бригадир Г.А. Шадрин позволил себе следующее высказывание: «Сталин доруководился до того, что отдал половину территории немцам, он руководить не может. Будет руководить дальше, отдаст всю территорию». В сельхозартели «Красный Октябрь» колхозник Иллистрат Сафьянников на заседании правления заявил: «Мы в колхозе ничему не хозяева, нас обирают, хлеб отдай, молоко отдай, мясо отдай... а колхозник живи, как хочешь». Реакция начальника политотдела была предсказуемой. Он немедленно сообщил об этом в органы НКВД [12. Д. 3. Л. 6]. В письме Алтайского крайкома ВКП(б) и политсектора краевого земельного отдела от 11 мая 1942 г. отмечалось, что политотдел Буланихинской МТС вскрыл «ряд вредительских действий», в том числе «распространение религиозных, по существу контрреволюционных листовок в селах Буланиха и Плешково» [13. Д. 1. Л. 43]. Начальник политотдела Кыринской МТС Читинской области в декабре 1942 г. «...разоблачил двух бывших кулаков, которые распространяли некие «святыни», утверждая, что они спасут солдат от немецких пуль». Политотдел Хилокской МТС выявил в колхозах факты «...коллективного моления богу, провокационные разговоры». Политсектор Читинского областного земельного отдела докладывал в Москву, что во всех случаях политотделы пресекали

«поповскую агитацию» и «...действовали в тесном контакте с органами НКВД и райкомами ВКП(б)» [14. Д. 24. Л. 16].

Подобные примеры можно приводить дальше. Однако, как представляется, фактов открытого и сознательного выступления против советской власти практически не было. Труженики деревни, проводив на фронт родных и близких, в массе своей сознавали необходимость сплочения в «единый боевой лагерь». Чаще всего под «антисоветской деятельностью» партийные функционеры понимали обычное недовольство населения властью, хищения колхозного имущества и хлеба, нередко в результате голода, возросшее в годы войны обращение к религии, которое было вызвано тяжестью переживаемого момента, гибелью на фронте родных людей, а вовсе не кулацкой агитацией.

Известно, что еще в период колхозного строительства СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли ряд постановлений об обязательных поставках колхозами государству различных видов сельскохозяйственной продукции. В документах подчеркивалось, что поставки основаны на твердом непререкаемом законе, обязательном для выполнения и никакое уклонение от них не должно быть допущено ни под каким предлогом. Так формировалась «первая заповедь» колхозников, закреплённая в Примерном Уставе сельхозартели 1935 г. о том, что хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию колхозы должны сдавать государству беспрекословно и в первую очередь. Колхозы должны были также оплатить натуральными продуктами работу государственных МТС. Сельхозартелям разрешалось до полного расчета с государством выдавать колхозникам авансом на трудодни не более 15% от сданного хлеба. Все, что мешало советской власти брать подобным образом и в таких размерах хлеб из деревни, объявлялось «антигосударственной практикой», «разбазариванием зерна», «саботажем хлебозаготовок». Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, прибыв в Омскую область осенью 1942 г. для усиления хлебозаготовок, прямо заявлял, что «...затяжка сдачи хлебе государству есть измена Родине» и потребовал «...разбить и сломать саботаж в хлебозаготовках, прекратить растаскивание хлеба в колхозах» [15. Д. 2636. Л. 66].

Приведем документ, наглядно показывающий отношение политических органов к проблеме хлебозаготовок – стенограмму выступления начальника политсектора Красноярского земельного отдела И.Е. Кандрацкова на пленуме крайкома ВКП(б) в октябре 1942 г. Он сообщал, что в колхозах «Аврора», «Красная нива», «Красный Ок-

тябрь» и др. было допущено превышение установленного правительством аванса колхозникам. При этом член ВКП(б), председатель сельхозартели «Аврора» Киселев прямо заявлял, что если он отдаст хлеб государству, как того требуют СНК СССР и ЦК ВКП(б), то «...у него колхозники не выйдут на работу, падет трудовая дисциплина». Люди просто голодали. Тем не менее начальник политического сектора однозначно квалифицировал это заявление как «...факт кулацких антиколхозных рассуждений и прямого саботажа» [16. Д. 305. Л. 26]. Комментарии в данном случае излишни.

В период хлебозаготовок руководители колхозов и совхозов ходили как по острию ножа. Угроза репрессий постоянно висела над ними. Трагический и страшный в своей правде случай произошел в Шилкинском районе Читинской области. В разгар уборки и хлебозаготовок, 10 сентября 1942 г. на поля колхоза «Новая жизнь» выпал снег. Председатель сельхозартели коммунист Захорушкин в беседе с бригадиром сказал: «Ну, теперь капут, хлеб не уберем, государству нечего сдавать». На следующий день он покончил жизнь самоубийством. «Спасовал перед трудностями», – хладнокровно констатировали в политсекторе Читинского областного земельного отдела (ОблЗО) [12. Д. 6. Л. 1].

Советское законодательство с 1930-х гг. предусматривало уголовную ответственность руководителей сельскохозяйственных предприятий за невыполнение планов государственных заданий, падеж скота, потери зерна при уборке, плохо отремонтированный сельхозинвентарь и т.п. Хозяйственные дела подобного рода в условиях войны стали основой для привлечения к судебной ответственности председателей колхозов, управляющих отделениями и фермами совхозов, бригадиров и др.

В Иркутском зерносовхозе управляющий 4-го отделения разрешил рабочим взять 72 центнера отходов зерновых. Оказалось, что отходы содержали небольшое количество зерна, в то время как совхоз не рассчитался с государством по хлебопоставкам. Начальник политсектора треста совхозов докладывал, что дело направлено следственным органам для привлечения бывшего управляющего к уголовной ответственности [17. Д. 8. Л. 148]. В Озерном совхозе Красноярского края были допущены потери зерна при уборке и порча его на токах (довольно обычное дело даже в мирное время). Политсектор Минусинского молтреста сообщил, что управляющий отделения снят с должности, а полевод осужден на 3 года лишения свободы [16. Д. 517. Л. 52].

В понимании термина «антигосударственная практика» партийные органы нередко доходили до полного абсурда. Особенно отчетливо это проявлялось в период хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы одновременно проводили работы по засыпке собственного семенного фонда. Настоящей бедой деревни стала практика сдачи семян в счет государственных поставок. Официально директивы о вывозе семенного зерна не давались, а фактически оно вывозилось под давлением сверху. Совершенно справедливое и законное желание колхозников заготовить семена под урожай следующего года квалифицировалось как «антигосударственное действие». С горечью говорил старший агроном Димитровской МТС Алтайского края на агрономическом совещании в феврале 1943 г.: «У нас некоторые горячие головы решили, что государство должно заготавливать хлеб из семян». В результате административного давления колхозы этой МТС сохранили лишь 30% семенного материала [18. Д. 2104. Л. 29]. В подобном положении оказались сельхозартели Купинского района Новосибирской области, Марьяновского района Омской области [9. С. 160] и многие другие. По сути дела не колхозы, а чересчур ретивые партийные функционеры вставали на путь антигосударственной практики, заранее обрекая сельхозартели на провал будущего весеннего сева.

По сведениям политотделов МТС Иркутской области, за 11 месяцев 1942 г. в 342 колхозах сменилось 243 председателя (71%), при этом 129 чел. (53,1% всех сменившихся) были сняты за «антигосударственную практику», нарушения Устава сельхозартели и в связи с привлечением к уголовной ответственности. В Читинской области насчитывалось 784 колхоза. С января 1942 г. по июнь 1943 г. в них сменилось 580 председателей (74,0%). Из них 298 чел. (51,4%) были отстранены как не справившиеся с работой, за злоупотребления и в связи с арестом [9. С. 161]. Административно-карательные меры не давали и не могли давать положительного результата. Репрессии руководящих кадров колхозов только усиливали дезорганизацию сельскохозяйственного производства.

Политбюро ЦК ВКП(б) обязало чрезвычайные органы управления «внедрить» дисциплину и порядок в работу сельскохозяйственных коллективов. Справедливости ради следует отметить, что многие МТС и совхозы действительно нуждались в наведении элементарного порядка. В Укырской МТС Иркутской области осенью – зимой 1941 г. не проходило дня, чтобы не было прогулов. Только за первую половину декабря 1941 г. 16 чел. совершили прогулы, причем отдельные рабочие не

являлись на работу по несколько дней подряд. В Больше-Еланской МТС прогулы приобрели настолько массовый характер, что администрация даже перестала их учитывать [19]. Прибыв в Мариинскую МТС Новосибирской области в январе 1942 г., начальник политотдела докладывал, что систематические прогулы и опоздания «лихорадят» МТС, после выходного дня, как правило, 3–5 чел. не выходили на работу, 5–10 чел. опаздывали [20. Д. 67. Л. 6] и т.д.

На первых порах сотрудники политотделов по аналогии с чистками МТС и совхозов 1930-х гг. понимали укрепление трудовой дисциплины исключительно как необходимость применения карательных мер в отношении нарушителей. Политотдел и дирекция Ульяновской МТС Омской области в марте 1942 г. одним приказом отдали под суд 18 трактористов [21. С. 16]. За пять месяцев 1942 г. в Харикской МТС Иркутской области за опоздания и прогулы было привлечено к судебной ответственности 25% всего состава трактористов [22. Д. 1. Л. 52].

Однако вскоре стало ясно, что карательные меры в условиях войны особенно пагубны. МТС и совхозы оставались без кадров, работать было некому. Парторганы Сибири поняли это. В апреле 1942 г. на VIII пленуме Красноярского крайкома ВКП(б), например, подчеркивалось, что огульное привлечение рабочих МТС и совхозов к судебной ответственности «... это небольшевистский стиль» [16. Д. 302. Л. 47]. С целью укрепления трудовой дисциплины политотделы были переориентированы на развертывание воспитательной работы, социалистического соревнования и т.д., хотя, конечно, администрирование продолжало иметь место и дальше.

Особенно масштабной была деятельность политотделов МТС по укреплению трудовой дисциплины в колхозах. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». В соответствии с новым законом в основных зерновых районах (Поволжье, Сибирь) годовой минимум трудодней повышался с 80 до 120. Если трудоспособные колхозники без уважительных причин не выработывали обязательного минимума трудодней, их должны были по приговору народного суда привлекать к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты 25% трудодней в пользу колхозов.

Этот закон стал центральным в цепи мероприятий политотделов МТС, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Опираясь на новую нормативную базу, чрезвычайные органы

резко усилили давление на колхозное крестьянство. Эта общая тенденция деятельности политотделов сомнения не вызывает. Однако степень и формы давления были разные. Многие зависело от того, как каждый начальник политотдела понимал необходимость укрепления трудовой дисциплины.

В предшествующей литературе приведены многочисленные примеры (при необходимости их можно продолжить), свидетельствующие о том, что даже в суровых условиях военного времени десятки политотделов находили приемлемые формы и методы работы по укреплению трудовой дисциплины. Проводились общие собрания колхозников по разъяснению нового закона о минимуме трудодней, решались вопросы организации детских яслей, школ, ибо женщины-колхозницы стали играть решающую роль в колхозном производстве, организовывалось общественное питание и др. Увы, далеко не все политотделы поступали таким образом. Многие из них действовали куда проще.

В Усольском и Тайшетском районах Иркутской области политотделы и председатели колхозов направляли материалы в судебные органы скопом, списками, без указания в них даже адресов и сведений о невыполнении обязательного минимума [23]. В Канском районе Красноярского края к октябрю 1942 г. за невыполнение обязательного минимума трудодней осудили 400 чел., в Минусинском – 600 [16. Д. 306. Л. 60]. В ряде случаев оформлялись документы для привлечения к ответственности престарелых колхозников и подростков до 16 лет, что противоречило даже советскому законодательству. В Красноярском крае, Новосибирской и Читинской областях политотделы и другие органы власти репрессировали на конец 1942 г. более 11, 1 тыс. чел., или 1,9% трудоспособных колхозников [9. С. 82].

В ходе судебных разбирательств часто выяснялось, что многие женщины-колхозницы не выработали обязательный минимум трудодней по уважительным причинам (отсутствие детских яслей, болезни, запутанность учета и т.д.) и не было оснований для привлечения их к ответственности. Когда административное рвение политотделов переходило все границы, вышестоящие органы вынуждены были реагировать на «нарушения социалистической законности» и указывали политотделам на недопустимость массовых репрессий в отношении колхозников, требовали принять меры по исправлению допущенных ошибок. Меры принимались, но подобные «ошибки» продолжали иметь место в деятельности многих политотделов Сибири.

Исследуя политическую и административную деятельность политотделов, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что сотрудники политотделов представляли низовой слой освобожденных партийных функционеров, они работали непосредственно в колхозах и совхозах, видели и знали нужды и беды колхозной деревни. Втянувшись в работу, многие из них стали называть колхозы радиуса действия МТС «своими», по-настоящему серьезно заботиться о налаживании производства. Однако рациональное отношение к хозяйству немедленно вступало в противоречие с заготовительной политикой руководства ВКП(б), направленной на безудержное изъятие хлеба и другой продукции из села. В этих условиях некоторые политотделы робко, но все-таки выражали несогласие с политикой в деревне. Практику сдачи семян в счет хлебозаготовок считали неправильной в политсекторе Новосибирского облзона [20. Д. 67. Л. 52]. Такую же позицию занимали отдельные начальники политотделов в Омской области. Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев называл их «защитниками частных интересов колхозов и колхозников» [15. Д. 2636. Л. 66]. В Иркутской области имели место факты, когда председатели колхозов не торопились оформлять материалы для предания суду колхозников, не выработавших обязательного минимума трудовых, а политотделы смотрели на это сквозь пальцы [22. Д. 20. Л. 3]. Конечно, сотрудники политотделов являлись верными солдатами партии и в массе своей беспрекословно выполняли все указания вышестоящего начальства, в том числе административно-карательного характера. Отдельные и робкие попытки некоторых начальников политотделов как-то оградить «свои» колхозы от государственного произвола свидетельствуют лишь о том, что среди них были порядочные и совестливые люди, которые не могли оставаться равнодушными к тяжелому положению крестьянства в годы войны. При этом они сами рисковали попасть под репрессии как «саботажники с партбилетами в карманах», «враги народа», а то и «пособники фашистов». Так и получалось. В Алтайском крае только в период хлебозаготовок 1942 г. было снято 5 начальников политотделов МТС и на 8 наложены партийные взыскания. В Читинской области сняли с должности в 1942 г. 3 начальников политотдела, в Новосибирской – 10, в Омской – 12 [9.

С. 157]. Таковы были жесткие правила игры, навязанные обществу тоталитарным режимом, тем более, в условиях войны.

Политотделы МТС и совхозов по характеру своей деятельности являлись чрезвычайными и временными органами. В конце мая 1943 г., когда в большинстве регионов страны весенне-полевые работы были завершены, ЦК ВКП(б) принял решение о ликвидации политических отделов. К этому времени стало ясно, что тревожные ожидания правящей партии, принявшей было превентивные меры в отношении колхозников, не подтвердились. Несмотря на беды, связанные с раскулачиванием, коллективизацией и голодом, открытых выступлений крестьянства против власти не было. В этих условиях параллельное существование обычных и чрезвычайных партийных органов становилось нецелесообразным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История Коммунистической партии Советского Союза*: в 6 т. М., 1970. Т.5, кн. 1.
2. *Пановский Л.С.* Изменения в составе колхозного крестьянства Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // *В грозные годы*. Омск, 1973.
3. *Лобков В.Н.* Цели и задачи политотделов МТС и совхозов. Барнаул, 1942.
4. *Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГНИИО)*. Ф. 127. Оп. 1.
5. *Забайкальский рабочий*. 1942. 17 февр.
6. *Красноярский рабочий*. 1941. 20 дек.
7. *Правда*. 1942. 2 февр.
8. *История крестьянства СССР*: в 5 т. М., 1987. Т. 3.
9. *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2000.
10. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. 9-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 7.
11. *Восточно-Сибирская правда*. 1942. 25 янв.
12. *Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)*. Ф. П-97. Оп. 6.
13. *Государственный архив Алтайского края (ГААК)*. Ф. П-101. Оп. 4.
14. *ГАЗК*. Ф. П-97. Оп. 3.
15. *Исторический архив Омской области (ИсАОО)*. Ф. 1699. Оп. 1.
16. *Государственный архив Красноярского края (ГАКК)*. Ф. П-26. Оп. 3.
17. *ГНИИО*. Ф. 689. Оп. 1.
18. *ГААК*. Ф. П-569. Оп. 4.
19. *Восточно-Сибирская правда*. 1942. 6 янв.; 19 марта.
20. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 112. Оп. 4.
21. *Социалистическое сельское хозяйство*. 1942. № 5.
22. *ГНИИО*. Ф. 448. Оп. 1.
23. *Восточно-Сибирская правда*. 1942. 23 авг.